

В гостях

Музыкальный
критик Артемий
Троицкий у себя
дома, в подмосков-
ном поселке Луцино.

ТРОИЦКАЯ БАШНЯ

Семье музыкального критика Артемия Троицкого не приходится скучать в четырех стенах — хотя бы потому, что в их доме в подмосковном поселке Луцино сразу восемь. В гостях у Артемия побывала Анастасия Ромашкевич.

A

ртемий Троицкий следит за похождениями Джеймса Бонда на большой плазме, устроившись на англофильском диване с “Юнион Джеком” на спинке. “Я только после переезда за город начал телевизор смотреть. В Москве у меня времени для этого не было, — говорит он. — А здесь, поскольку обстановка не то чтобы герметичная, но гораздо более изоли-

рованная, обнаружилась такая вещь, как телевизор”.

Артемий хочет досмотреть кино до победного конца, так что первые полчаса мы общаемся исключительно во время рекламных пауз. А в промежутках мне остается удивляться, насколько удачно картинка на экране — оранжевые каски сатрапов злодея, лиловое

бикини героини, красные громкоговорители и какие-то ярко-желтые трубы, на фоне которых разворачивается кульминация “Бриллиантов навсегда”, – дополняет интерьер дома, где нет двух дверей одинакового цвета (не говоря уже о комнатах). “Наш “банно-прачечный комбинат” – душ, джакузи и прочее – выдержан в сине-бело-желтых тонах. И дверь там желтая. Рядом туалет, он красно-синий, и дверь там красная. То же самое в других комнатах”, – объясняет Троицкий (тоже одетый во всё цветное), по какому принципу они с женой Любой выбирали краску. К этому моменту я уже успеваю выяснить, что услугами дизайнеров они вообще не пользовались, всё делали сами: “Все почему-то думают, что тут какие-то профессионалы приложили руку. Нет, не прикладывали даже мизинца. И это принципиально – я считаю, что люди, у которых есть фантазия и чувство стиля, никогда не станут обращаться к дизайнеру”.

Снаружи дом выглядит не менее экстравагантно – он представляет собой восьмиугольную башню с броским желто-красным фасадом, хорошо заметным среди высоких сосен. “Нам важно было вписать дом в участок так, чтобы не пришлось пилить деревья. А это удавалось только при такой конфигурации, – рассказывает Троицкий. – Изначально была идея сделать дом круглым, как у архитектора Мельникова, но оказалось, что это сложно и дорого. Восьмиугольник строить намного проще, и мы подумали, что октагон – тоже хорошо”.

Здание возвели из каркасных панелей всего за одиннадцать месяцев. “Здесь всё близко, всё компактно”, – говорит Троицкий, когда я интересуюсь, насколько удобно жить в таком необычном здании. Недостатков, по его словам, всего два, и объясняются они не столько спецификой конструкции, сколько размерами дома. На четверых жильцов (у Артемия с Любой двое детей – двухлетняя Лидия и десятилетний Ваня) приходится двести метров, так что места на гостевые спальни и большие кладовки уже не хватило. Отчасти компенсируется это тем, что на участке стоит еще один дом, построенный несколькими годами раньше (половина принадлежит бывшей жене Троицкого, половина – ему самому, и именно там ночуют его гости из Москвы и хранятся велосипеды с лыжами).

ФОТО: ОЛЬГА ТУПОНОГОВА-ВОЛКОВА

Когда герою Шона Коннери наконец удается разрушить все злодейские козни, мы перемещаемся из гостиной в большую комнату на третьем этаже. Она целиком отведена под лаундж-зону, и у меня на пару секунд возникает ощущение, что я попала внутрь программы “Кафе Обломов”, которую Троицкий вел в середине 1990-х, – половина помещения превращена в огромное лежбище, заваленное цветными подушками. “Я всегда любил прилечь, даже работаю полулежа. В “Обломове” подушки были шикарные – бархатные, черно-желтые. Здесь они попроще, зато их можно выносить на улицу”, – говорит Артемий, кивая в сторону открытой галереи, >

По словам Троицкого, прообразом этой постройки стал дом Константина Мельникова в Кривоарбатском переулке. А вот интерьер самобытный. “Никаких заимствований тут нет вообще, – уверяет Артемий. – Мы не пользовались никакими вдохновляющими источниками, ни журналами, ни альманахами”.

В гостях

Вверху слева. Комната, занимающая весь третий этаж, по словам Троицкого, предназначена для "танцев, упражнений и игр".

Вверху справа. Лестничный холл второго этажа. Над консолью – работа Владислава Мамышева-Монро и другие картины из коллекции Троицкого.

Слева. В прихожей над зеркалом работа Боба Макгилла. Слева (сверху вниз) работы Дэйва Ричарда, Брайана Каннингема и Алисии Грэси де Леон. Сундук, Andrew Martin.

> опоясывающей дом по периметру. Правда, сразу же признается, что воспользоваться такой возможностью пока не успел: семейство Троицких переехало в дом в августе 2011 года, а почти всё лето 2012-го они провели в Америке, где он читал лекции в одном из университетов.

Зато в остальное время они находятся за городом почти безвылазно. "Сначала предполагалось, что два-три дня в неделю мы будем проводить в Москве, но с тех пор, как мы сюда заселились, в город не тянет, – говорит Троицкий. – Конечно, общения стало меньше: жизнь за городом – это своего рода фильтр. Радикально сократилось количество так называемой светской жизни, но эта светская жизнь достала меня уже давно".

Троицкий рассказывает, что присмотрел Луцино – поселок, построенный в 1947 году по распоряжению Сталина для тогдашних академиков, – много лет назад. Снимать дачу в этих местах он начал еще в конце 1980-х. "Я неплохо знаю Подмосковье, и, по моему

ФОТО: ОЛЬГА ТУПОНОГОВА-ВОЛКОВА

В гостях

Вверху. Фрагмент кухни-гостиной с креслами и диваном, Andrew Martin. На стене — картина Прията Пярна. “У меня обширная коллекция, — говорит Троицкий. — Здесь в основном небольшие работы, а есть еще широкоформатные, два на три метра, их просто негде развесить”.

Слева. Второй этаж дома целиком отведен под спальни и гардеробные. На фото — комната Артемия и Любы. На стене работа Тимура Новикова. Стул, Andrew Martin.

> скромному мнению, лучше этого места нет”, — утверждает он. Больше всего Троицкому нравится, что поселок свободен от благ цивилизации вроде торговых центров, и даже ресторанов в ближайшей округе всего два. Здесь сохранились не только старые академические дачи, но и традиции — каждый год в конце августа в Луцино устраивают карнавал. А сын Троицкого ходит в деревенскую школу — бывшую церковно-приходскую, 1875 года постройки. “Это рассказ Толстого “Филиппок” в чистом виде: деревянная изба, разбитая на четыре части, а посреди изразцовая печка”, — говорит Артемий. Он сетует, что администрация местной обсерватории прикрыла свободный доступ к телескопу (“Раньше можно было совершенно спокойно за бутылку водки рассматривать кольца Сатурна”), и немножко беспокоится из-за расширения Москвы, но оптимизма не теряет: “Естественно, с годами всё становится только хуже, но у меня есть надежда, что до нашего медвежьего уголка эти веяния дойдут не скоро”.

ФОТО: ОЛЬГА ТУПОНОГОВА-ВОЛКОВА

